

ИЮЛЬ

1 июля 1908 г. Лондон.

Русские художники за границей.

Художественные вести

В «Речи» уже помещены краткие сообщения об успехе русского художественного отдела на Международной выставке картин, только что открывшейся в Лондоне. Работам оригинального по своему творчеству художника Рериха посвящено много внимания наиболее компетентными английскими критиками, а статьи по поводу его работ, в которых выразилось новое направление в исторической живописи, появлялись в художественных журналах ещё за много времени до устройства Рерихом выставки.

Кроме Рериха, выставил свои произведения и Билибин, художник бесспорно даровитый, но однообразный и как бы застывший в своём художественном развитии; английская публика видит работы Билибина впервые, и потому они произвели на неё самое лучшее впечатление. Заинтересовались и эмалями работы кн. М. К. Тенишевой: любители и знатоки - их художественностью, специалисты - техникой их производства.

Таким образом, ещё новое выступление за границей, и притом перед художественно-избалованной английской публикой, и ещё новый триумф наших художников.

Для большинства эти успехи за границей наших художников являются какой-то неожиданностью. Мы с обычной близорукостью, оказывается, совершенно не замечали того, что к русским художникам на Западе относятся всё с большим и большим вниманием и что современная русская живопись интересует иностранцев в высшей мере. И действительно, теперь можно определённо сказать, что русское искусство стоит очень высоко как по смысле богатства отдельных самостоятельных дарований, так и в смысле самой техники исполнения. Левитан, Серов, Сомов, Врубель, Рерих, Александр Бенуа, Малютин, Нестеров, Аполлинарий Васнецов со своими древнерусскими пейзажами, отчасти Виктор Васнецов. Константин Коровин, Бакст, Браз, Добужинский, Лансере – всё это художники, такие мастера по своему таланту, по тонкости мысли и чувства, столько создали они серьёзного, глубоко значительного и характерного, что вполне естественно то исключительное внимание, которым завладели они со стороны иностранцев.

И внимание иностранцев к русскому искусству, повторяем, всё растёт.

В настоящее время готовятся две большие выставки произведений русских художников – одна для Вены, другая для Праги. И обе выставки организуются по почину иностранных художественных обществ: первая по почину самого крупного общества «Сецессион». вторая по почину общества «Манес».

Австрийцы уже давно живо интересуются русским искусством, и со времени выставки картин северного художника Борисова, имевшей крупный успех, они внимательно присматриваются к тому, что нового и интересного появляется в России в области искусства. Но знакомиться со всем новым им приходилось только по воспроизведениям иллюстрированных журналов, и

лишь теперь они будут иметь возможность увидеть воочию произведения наиболее характерных современных русских художников. Организацию выставки картин русских художников для Вены взял на себя А.И. Филиппов, редактор единственного у нас в провинции художественного журнала «В мире искусств», издающегося в Киеве. Выставка составила очень интересную, хотя летнее время для организации выставки самое тяжёлое. В число экспонентов вошли художники Анисфельд, Бакст, Браз, Александр Бенуа, Добужинский, Зарубин, Дриттенпрейс, Ап. Васнецов, Врубель, Головин, Константин Коровин, Крымов, Малютин, Лансере, Линдеман, Пастернак, Рерих, Серов, Судейкин, Сапунов, Билибин, Юон, Якулов.

Что касается выставки, устраиваемой для Праги, то она имеет то значение, что это будет первый шаг для сближения между собой славянских художников. Но сказать что-либо определённое об этой выставке пока трудно, так как дело организации её ещё в самом начале. Во всяком случае, составлена она будет из произведений художников, группирующихся под флагом Союза русских художников и Нового общества художников.

Ив. Кириллов

Речь. 1908. 1/14 июля. № 155. С. 5.

Из коллекции монет Древнего Новгорода.

Художественные вести

В октябре месяце Обществом поощрения художеств будет устроен богатый аукцион старинных монет. Интересная коллекция будет выставлена художником Н.К. Рерихом. Старинные монеты он долго собирал в России и за границей.

Речь. 1908. 1/14 июля. № 155. С. 5.

2 июля 1908 г. Лондон.

Художественные вести

Из Лондона сообщают о большом успехе русского отдела только что открывшейся в «Альберт-Холле» Международной художественной выставки. Благодаря энергичной деятельности кн. М. К. Тенишевой, русскому отделу отведено отличное в световом отношении место. В день вернисажа на выставке перебивала масса публики, внимание которой всё время привлекал отдел русского искусства.

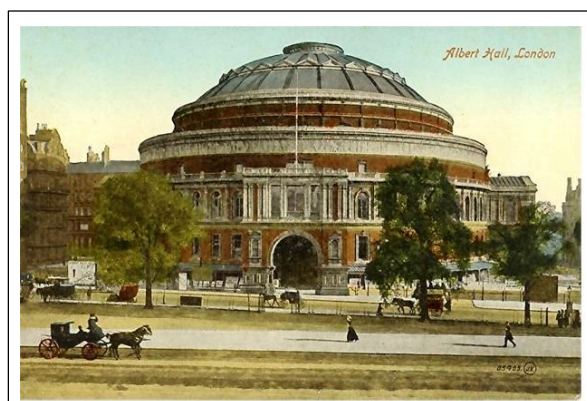
Оригинальное дарование художника Рериха, выставившего свыше сорока работ, уже знакомо англичанам по воспроизведениям в художественных журналах и альманахах; англичане сильно интересуются им, и около полотен Н. К. Рериха постоянно толпились зрители. Англичан-художников заинтересовала сама манера техники произведений Рериха. Иллюстрации талантливого иллюстратора г. Билибина, по-видимому, также произвели на англичан отличное впечатление.

Около витрин с художественными эмалями, исполненными кн. М. К. Тенишевой, кроме любителей, немало ювелиров, внимательно рассматривающих эти работы и заинтересованных техникой их.

Мозаика работы единственной у нас в России художественно-мозаической мастерской В. А. Фролова, исполненная по оригиналу художника Рериха, заинтересовала архитекторов, которые увидели в этой мозаике возможность получения художественной орнаментировки и применения её к декоративному строительному искусству.

В общем, успех русского художественного отдела на Международной выставке в Лондоне очень значителен.

Речь. 1908. 2/15 июля. № 156. С. 5.

Выставка произведений русских художников в Лондоне

Нам пишут из Лондона о том, что русский отдел на Международной художественной выставке, только что открывшейся в Альберт-Холле, имеет большой успех и у публики, и у критики. Все отмечают значительность произведений и оригинальность трактовки произведений Рериха. Англичане уже давно интересуются работами этого художника и знакомы, отчасти, с ними по воспроизведениям в художественных журналах. Привлекает внимание большая фреска работы Рериха. <...>

Эмали кн. М. К. Тенишевой, такие оригинальные и художественные, привлекают к витринам много публики. Ювелиры стараются узнать технику производства этих эмалей.

Из Лондона работы Рериха и Билибина перевозятся в Вену на выставку произведений русских художников, которая устраивается редакцией журнала «В мире искусств» совместно с венским художественным обществом «Сецесион».

Слово. 1908. 2/15 июля. № 498. С. 3.

Сокровище ангелов

(К выставке Н. Рериха в Лондоне. Написанная художником пояснительная легенда к эскизу большой настенной фрески)

За двенадцатым небом стоят города ангельские, чистые.
Сами Власти там правят бесплотные.
Ходят там ангелы дружинами тесными.
За стенами, по широкой долине в трубы трубят.
Всё спокойно, и добро, и зло.
За долиною, за горбатым холмом,
за древами бытия лежит сокровище ангелов.
Самоцветный камень. В нём добро и зло.
Краеугольный камень. На нём мир стоит.
Вся земная твердь на камень опирается.
Бытие всё на камне узорами начертано.
Пуще всего хранят камень архангелы.
Архистратиг сам у камня дозор ведёт.
От усталости не помнит себя, а всё сторожит.
Угрожают копьями архангелы.
Стерегут камень от лихого прохожего.
Непутёвый не разбил бы их сокровище.
Как бы врозь не пошло и добро, и зло.
Как бы змей не пожрал мучимого.
Сокровищем держатся все города ангельские.
Без сокровища-камня — разлетятся ангелы.
Всем конец придёт.

Слово. 1908. 17/30 июля. №511. С.3.

6 июля 1908 г. СПб.

Художественные вести

Готовится к печати Ш-й выпуск «Ежегодника» Общества архитекторов-художников в Петербурге. В сборниках этих появятся неопубликованные ранее чертежи, рисунки и снимки с художественных произведений зодчества. В «Ежегоднике» помещаются также цветные репродукции. Сборники выходят под редакцией особой комиссии, в которую, между прочим, входят: Н. К. Рерих, Н. Е. Лансере, А. В. Щусев, И. А. Фомин, В. В. Ильяшев и др.

Речь. 1908. 6/19 июля. № 160. С. 5.

10 июля 1908 г. СПб.

В Рисовальной школе ИОПХ.

Художественные вести

В Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, по инициативе директора Н. К. Рериха, организованы классы график-художник И. Я. Билибин. Цель классов - подготовка молодых художников, желающих посвятить себя делу воспроизведения рисунков для художественного печатания. В классе будет преподаваться композиция рисунка во всевозможных стилях, специально приуроченная для репродукций, причём ученики будут параллельно знакомиться с современными способами художественного печатания - как теоретически, так и практически, в лучших печатнях столицы.

Речь. 1908. 10/23 июля. № 163. Четверг. С. 3.

[15 Июля. 1908. Bad Neuenar]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Вторник.

Милый, родной Мисик.

Пишу вечером. Гроза. Молния блесит. Где-то мой Мисик скачет?

Вечером ругался с хозяином; сказал ему, что если останусь без услуг – то не буду платить прислуге. Так и сказал, чтобы он всем передал. В Бонне познакомился с Лешке и Якоби.

Смотрели музей.

Вечером горничная не дала мне кувшина с водой, и когда я поднял перезвон – то прислала другую.

Этакие свиньи – не умеют служить вовсе. Это меня опять рассердило.

Ну, примусь за лечение, чтобы скорей из сих мест выехать.

Целую Тебя крепко и завидую, что Ты уже близко от России.

Пиши, как доехала. Как Юрик и Светка. Пиши всё – очень жду.

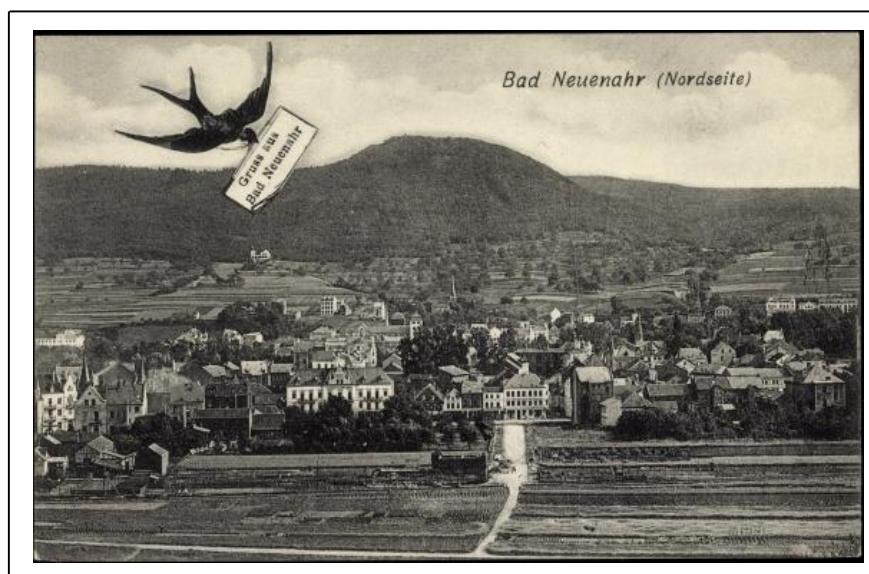
Получил пересланное письмо из Лондона от Рауша – просит снять фото с Ильи. Переслал письмо Билибину. Крепко, крепко целую любимого Мися.

Н.К.

Слева на полях:

Поцелуй Ю. и С. и Мульку. Князя.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/409, 1 л.

Bad Neuenahr.

(Открытка начала XX века)

16/29 июля 1908 г. Bad Neuenahr

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Среда. 2½ час. д.

Милый, родной Мисик. Сейчас за столом получил Твою открытку. Когда в Кёльне было крушение, при Тебе или раньше? Как-то дальше доедешь?

Сегодня утром выпил два стакана. За обед посадили нас опять за большой стол. До обеда написал письмо Казалету и Зарубину. 22 Июля Тенишева именинница. Придётся ей написать. Скоро пойду в Kuhrhaus брать Fango. Получил 2-е письмо от Бори – в Петербурге он через неделю. Ещё до обеда переписал индийскую сказку. Теперь Ты как раз в Вержболове; не потрошат ли? Жду очень от Тебя письма. Сегодня мне не дали кувшина - опять пришлось поскандалить. Взвесился; оказалось 79 kil. 250 gr. буду проверять через неделю.

Вчера в Бонне чуть не купил каменное орудие за 2.50 мар. (2½ марки), но решил, что лучше этот рубль для Ключина пригодится. Сегодня **думаю начать Илью Муромца**. Сегодня прохладно после грозы.

8 час. Перед ужином стало жарко и опять начинается гроза. Был в Fango. В Kuhrhaus'e, может быть, и чище, но они слишком торопятся и не дают совсем лежать. А идти сразу после bad'a утомительно. Спрошу доктора, где лучше продолжать.

Где-то сейчас Мис трясётся? Верно, около Вильны. Пиши мне милый мой Мис – мой самый любимый, мой самый хороший и самый родной.

Мулька прислала вырезки, а из Речи и не прислала.

Скажи князю, что прирейнский кам. век не очень интересен – очень много позднейшего, полированного.

Там ли Стёпа? Могу прислать ему несколько «драгоценных» открыток.

Целую крепко, крепко Тебя.

Н.К.

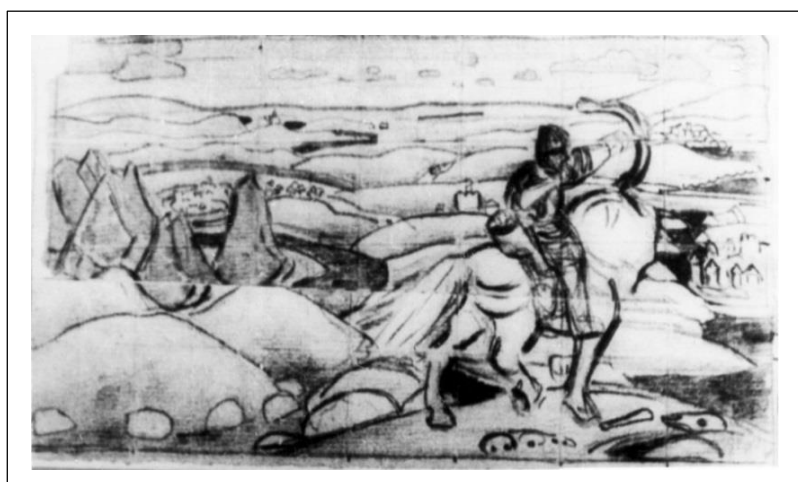
Адрес барона Рауша: Юго-Восточная жел. дор. Ст. Евдаково. Имение Высокое.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/353, 2 л.

«Сегодня думаю начать Илью Муромца...»

Н.К. Рерих Набросок к картине «Илья Муромец. Б/д.

Н.К. Рерих. Набросок композиции к картине Илья Муромец. Б/д.

[17/30 июля 1908 г.] *Bad Neuenahr.*
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Четверг

Родной мой, дорогой Мисик.

Сейчас кончил с завтраком – пойду скоро опять со стаканом. Ночью опять громыхало и повар ругался с хозяйкою отеля. Все это слышали, а я проспал. Сейчас едем с Ал. Петр. в Walporzheim, где старая улица – рисовать. Не знаю ещё какое действие на меня производят fango, но желудок действует без cascar'a.

Сделал этюд со старой улицы. Когда в траме ехали обратно, одна немка заявила что здесь kuhwarm. Чувствую какую-то усталость. Ни то рисовать разучился, ни то сил меньше. Вообще замечая, что к вечеру делается какое-то отупение. Завтра Fango утром и вечером доктор. Напишу, что он скажет. Наконец-то завтра Ты будешь в Бологом. Напиши, как встретят Тебя эти два субъекта. Какое Твоё первое о них впечатление будет. Боюсь, не расслабили бы меня Neuenahr'ские воды и ванны. С Тобою мне было бы здесь куда покойнее и лучше. Думаю ни с кем не знакомиться и только выполнять всё и работать. Меня тоже мучает, что работа позапустилась. Эскизы ещё не сделаны; нет ни акварелей для вечера, ни этюдов. Этак и отобьёшься от работы.

Скоро ли получу от Тебя письмо? Если не будешь писать хорошие письма – мне будет очень грустно, тягостно и одиноко.

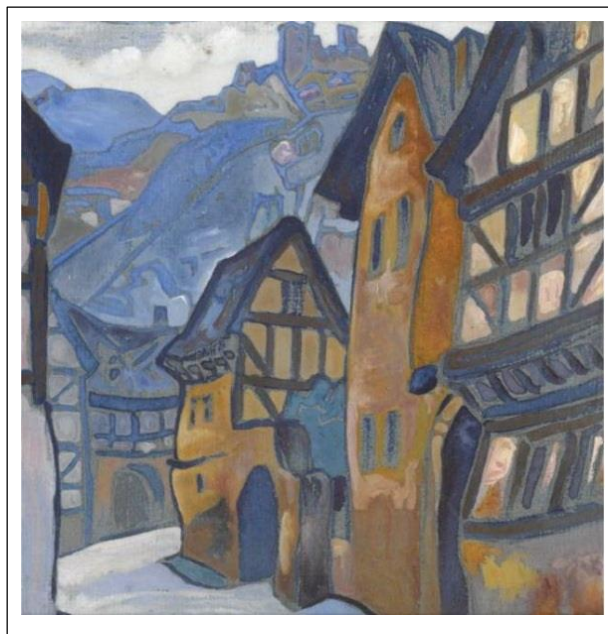
Крепко целую Тебя – мой славный, дорогой Мисик.

Н.К.

Ты напиши в письмах хоть не в порядке, а так как говоришь. Ведь и Тебе-то хочется со мной поговорить?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/352, 2 л.

«Сделал этюд со старой улицы...»

Н.К. Рерих. Старый дом. Вальпортсгейм. 1908-1909.

**18 Июля [1908 г. Vad Neuenahr].
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Дорогой мой Мисик, был у доктора. Он нашел, что печень уменьшилась, но желудок ещё вздут. Велел продолжать fango и придти через неделю.

Сегодня я взвесился и оказалось 79 kil. 200 gr. День был дождливый, с 2 до 5 шёл дождь и помешал сделать этюд. Не знаю, от рисованья ли (отчего я-таки отвык) или неловко лёг как-нибудь, но сегодня очень болит правое плечо. Больно руку повести вбок влево.

В отеле значительно убавилось народу – человек 7. Завтра ещё уезжают, а приезжают мало – и всё какие-то неинтеллигентные. Сегодня приехал хирург из Варшавы и конечно <...>. Меня в курсовом листке почему-то пропечатали доктором медицины. Завтра уезжают Шнейдер в Кельн и в Бельгию.

Начали собираться рано, наученные Твоим отъездом, но и то с прислугою плохо, не идут завязать корзинку – ничего не делают. Вообще слышно, что все на прислугу жалуются.

В дни, когда fango, положительно весь день как-то занят. Вообще придётся представлять, что находишься во временном одиночном заключении. Я думаю ощущение почти такое же.

Жду Твоего письма. Когда-то оно может придти. Неужели только во вторник?

Сегодня кто-то говорил, что оспа в России не унимается. Правда?

Хорошо ли у Тебя там всё? Жду весь Твои вести.

Не понимаю, отчего здесь так устаёшь к вечеру? Или от того, что рано встаёшь.

Не забывай Твоего заключённого. Как встретили Тебя? Ведь сегодня первый день в Бологом.

Пиши. Целую хорошо и крепко.

Н.Р.

*18 Июля с/с
Пятница*

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/349, 2 л.

18 июля 1908 г. СПб.

Письмо И.И. Лазаревского к Рериху Н.К.

Редакция газеты «Слово».

Спб., Невский 92. Тел. 233-57.

18/VII дня 1908 г.

Дорогой Николай Константинович.

Мне было в высшей степени приятно получить твоё письмо, так как я давно хотел написать тебе, но никто не знал твой адрес.

Я получил телеграмму о твоей выставке от Скотта (не ведаю, кто это) и только на основании её смог составить несколько заметок, больших и малых для «Слова», «Русского Слова», «Речи», «Вечера», «Киевской мысли» (газеты

самой крупной на юге России, имеющей 40000 подписчиков и пользующейся большим значением, куда я в бытность свою в Киеве приглашён работать по своей части). На днях напечатана у нас твоя маленькая вещь относительно настенной фрески; устроил я так, что её перепечатал полностью «Вечер» - газета, которая теперь широко идёт в Петербурге и московской «Русское Слово». Кроме того написал в «Киевскую мысль», чтобы она перепечатала также.

Относительно Бенуа могу сказать, что его у нас в «Слове», больше нет и всё произошло мирно и тихо и дипломатично.

Теперь летом я редактирую «Слово», так как Фёдоров уехал и должен сказать, что веду сложную войну с теперешним помощником редактора Штильманом. Внешне понятно отношения наилучшие, но, по-моему, он гнетёт газету и потому «Слово» всё ещё мало идёт вперёд. Я почти уверен, что с приездом Фёдорова моё дело выйдет вперёд и в редакции произойдут коренные перемены. Много я этих перемен пережил, не теряя своего значения в редакции, и надеюсь ещё немало пережить.

Своей поездкой по югу России я в высшей степени доволен. Я воочию убедился, что интерес к молодому искусству действительно очень велик, и в домах киевских богачей мне говорили, указывая на стены: тут у нас висят передвижники, а вот привезёте вы своих и Ваших, с удовольствием повесим. Рынок несомненно будет; затем важная часть печать и та в наших руках, ибо наиболее влиятельные газеты юга – «Киевские мысли», «Одесский Листок» пригласили меня на очень хороших условиях работать и, следовательно, тем самым они нам становятся дружественны. А какая большая сила в провинции, в наше даже время, печать, это мне пришлось узнать самому на примерах.

Что касается Филиппова, то я навёл про него (вернее о нём) много точных справок; я не скажу, чтобы эти справки меня привели в особенно радужное настроение, контракт я с ним несколько изменил, но всё ж таки это парень дельный, а главное, что я в нём ценю – это его американскую складку – черту в русском человеке безусловно редкую. С ним можно – и хорошо – работать, только ухо остро надо держать, говоря вульгарно.

Сейчас получил известие, что Бенуа отказался принимать участие в выставке, организуемой в Вене Филипповым.

Ради Бога телеграфируй Головину. Я у него был три раза в Мариинском театре, писал ему, не заставая, но всё как мёртвому, а картины надо отправлять в конце или в начале августа старого стиля. Повторяю свою просьбу: телеграфируй ему – *прямо в Мариинский театр*.

Я мало пишу, хотя должен бы был писать много для «Слова», «Речи» и «Киевской мысли», но так завален редакционными делами, что не имею ни минуты свободной. А тут ещё страшно развивается личная переписка, так как на юге я завёл много интересных и для дела полезных отношений.

Сейчас кончаю статью для «Киевской мысли» о васнецовской живописи в храме св. Владимира.

Я никак не предполагал, что она произведёт на меня такое отрицательное впечатление.

Пока всего хорошего, крепко жму твою руку и уверен, что если будем идти вместе, то ты теперь не прогадаешь, и что мне легче будет добиться того, что хочу.

Твой И. Лазаревский

Пиши непременно, но только по редакционному адресу, а то я меняю на днях квартиру, моя становится тесна. Пиши непременно и сообщай адреса свои.

И.Лазаревский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/897, 1 л. (Машинопись)

18 июля 1908 г. СПб.

О художественной выставке в Вене.

Эскизы и кроки

В Вене, в помещении венских сецессионистов, по инициативе г. Филиппова устраивается в сентябре месяце выставка картин русских художников.

В выставке примут участие В. А. Серов, К. А. Сомов, Л. С. Бакст, Алекс. Бенуа, Н. К. Рерих, Н. Милиоти и др. известные художники. ...

Петербургский обозреватель

Петербургская газета. 1908. 18 июля. № 195. С. 3.

Публикуется в сокращении по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. III. СПб. 2006.

[19 июля/ 1 августа 1908 г. Bad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Суб., 5½ час.

Милый Мисек,

Твоё письмо уже на пути ко мне. Получу ли его завтра или послезавтра? Сегодня написал письмо Лазаревскому и послал сказочку. Послал открытку Куинджи. *Сделал акварель для Бахрушина* и приготовил и разбил на квадраты папки для Ильи. Видишь, день не пропал даром. Гулял по парку 1 час. – всё Сахар с разговорами пристаёт. Кугеля – видел; спрашивал его про тётю Стасю; он говорит у неё есть литературный талант и очень её хвалит. Издалека видел Бухе – всё с кавалером; неважный уж очень! Вот весь день. Скоро ужин. Билибин прислал открытку с изумительным видом на прибрежные скалы. Рисует там камни, сложенные друидами.

Шнейдер утром уехали тоже с небольшим скандалом, бельё им не всё принесли. Сегодня прочёл, что сестра Нечаева умерла. Это нехорошо, чего доброго и сам старик на тот свет отправится. Княгиня прислала письмо; пишет, что до половины Сентября она в Талашкине, а потом в Петербурге. Кажется, дом ей удаётся сдать внаём. В общем, всё плачется на необходимость заниматься делами. Пишет: «на Лондон смотрю философски. При свидании об этом поговорим».

Что Ты сейчас делаешь? Теперь по русскому 9½ час. Верно, после ребят сидишь в большом доме. А вдруг мне письмо пишешь? Мне придётся порядочно поналечь здесь на работу. Сделать 7 подробных эскизов – не шутка! А чтобы выгадать недельку раскопок – надо чтобы к Сентябрю эскизы были гото-

вы. Из 7 у меня ясны только 4. Сейчас ещё часок поработаю и лягу спать. Завтра утром у меня fango.

Очень, очень жду Твоего письма и крепко Тебя целую. Всё мне интересно, что и как у Тебя выходит. Я думаю, Ты бы отлично пожила здесь – конечно, говорить не с кем – ну да никого и не нужно бы было.

Что Стёпа? Как его наследник? Что князь? Что ребята?

Н.

Миленький мой человечек!!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/237, 2 л.

«Сделал акварель для Бахрушина и приготовил и разбил на квадраты папки для Ильи..»

Н.К. Рерих. Город. 1908. Акварель.
(Первоначально в собрании А.А. Бахрушина)

19 июля 1908 г. Москва.

Календарь писателя

Осенью в Москве возникает серия публичных курсов по энциклопедии искусств. Предполагаются лекции по истории архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и сцены, по истории изящной литературы, как иностранной, так и русской, по эстетике и психологии.

Лекторы большей частью петербуржцы: А. Л. Волынский, Бенуа, Бакст, Рерих, Ноаковский, историк Тарасов, Сергей Глаголь, А. Блок и пр.

Утро. 1908. 21 июля. № 8. С. 4.

[20 Июля/2 августа 1908 г. Bad Neuenahr]
Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Милый Мисик, надеялся я сегодня на Твоё письмо, но ровно ничего не получил. Если из СПб. было что-ниб. написано, то сегодня могло бы уже придти.

Дали мне сегодня счёт – 96 марок. Прошла всего неделя, а мне кажется, что уже прошло гораздо больше. И скучно подумать, что ещё здесь просидеть 3 недели – около того. Решил ни с кем не знакомиться. Сановник оказался банкиром из Харькова. Приехало ещё человека 4 и все <...> напролёт.

Я предлагал доктору ещё что-нибудь проделать – для ускорения, но он не согласился. Говорит, не слишком много сразу.

Фигура Ильи что-то не ладится. Вообще замечаю, что я как-то быстро устаю.

Как бы хотелось послушать, что Ты там рассказываешь и делаешь.

Сейчас был на фейерверке, - торчал 2 часа один среди ... Бухе достали ещё кавалера в штанах. Этот в русской фуражке с кокардой.

Жду письма. Пиши почаще. Получишь письмо, точно поговоришь.
Вечером холод отчаянный.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/241, 2 л.

21 июля 1908 г. СПб.
Новые классы в Рисовальной школе ИОПХ.

Художественный отдел

Первой выставкой наступающего сезона в Императорском Обществе поощрения художеств состоится интересная выставка произведений учеников Рисовальной школы Общества. Эта выставка представляет собой значительное явление в нашей художественной жизни, так как она явится показателем результатов работы в школе и руководства её нового директора - художника Н. К. Рериха. Особенный интерес представят собой два класса - графического искусства и декоративный. Класс графического искусства организован с целью приготовить опытных рисовальщиков-графиков. Надо заметить, что класс графического искусства особенно важен для нас, так как в типографском деле почти совсем нет опытных, художественно образованных работников. Чуть дело коснётся художественной внешности книги, наши издатели и типографы совершенно не знают к кому обратиться, и сплошь да рядом довольствуются разными типографскими аляповатыми и грубыми украшениями. Руководителем графического класса в продолжение отчётного года был художник Билибин, оригинальный и даровитый рисовальщик.

Кроме того, несомненный художественный интерес представляет собой выставка отчётных работ учеников и учениц Рисовальной школы, командированных советом школы в путешествия с художественно-образовательными целями по России и за границе; особенно любопытны будут результаты поездок по России...

Слово. 1908. 22 июля / 4 августа. № 515. С. 5.

[21 июля /3 августа 1908 г. Bad Neuenahr]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

Милый Мисик, родная моя Ладушка – получил Твою открытку. Значит у Тебя все благополучно. Слава Богу.

Сегодня взвесился – уже 78 kil. 900 gr. Но ходить в гору не могу – всё-таки одышка.

Фриз может быть всё- таки удастся. Вчера вечером пошёл на фейерверк – но холод был поразительный. Много народу уже уезжает. Стол очень пустеет и когда уедет <....>, что рядом со мною – то я окажусь среди Немцев. Сегодня подходит ко мне доктор Познанский – жидок, и говорит: «позвольте познакомиться, ведь вы тоже доктор». Это потому, что меня в Kurlist'e пропечатали докт. медицины. Потом познакомил тоже с доктором жидком – что-то вроде Кехлин. Словом, теперь у меня 4 знакомых: Сахар, Кугель, Кехлин и Познанский. Ой, ой,

Кугель уверяет, что воды Neuenahr'a очень усиливают его неврастению и говорит, что это будто бы даже где-то напечатано.

«Русь» прекратила существование – точно после статей Райляна. Завтра делаю Соловья. Вольга и Микула, кажется, складываются в голове.

Не нравится мне, что я всё-таки устаю. Подъём в гору был очень ровный – а всё-таки задыхался, а шёл тихо.

Завтра, слава Богу, вторник – вторая неделя, как пью воду. Пиши мне почаще. Как подарки довезла? Понравились ли?

Пусть ребята напишут.

Целую Тебя крепко.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/270, 2 л.

[22 июля/4 августа 1908 г. Bad Neuenahr]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Милый и родной Мисик, Ладушка.

Сегодня очень ждал Твоё письмо, а его и не было.

Что сегодня делал? Кончил Соловья Разбойника. Сообразил Вольгу и Микулу. После обеда ездил с Сахаром и Кугелем в Altenahr. Довольно красиво там, но всё же ни к одному этюду душа не лежит. По дороге пришла на ум такая картина: «солнце погасло», - только что произошла внезапная катастрофа. Исчезло тепло и свет. Воздух и всё молочно-белесоватое. Сквозь нити тумана, где сверкают звёзды других планетных систем. Какие города замерли. Всё стало одиноким, всё только что очень важное и нужное сделалось жалким и ненужным. Люди коченеют. Может быть, и удалось бы написать такую штуку. Как думаешь? Или слишком программно?

Теперь мои письма сплошной вопрос Тебе. Как и что? Впрочем, ответ верно уже в дороге. Очень Ты устала в пути? Как вода в озёрах? Понравились ли солдаты?

Кроме времени работы и ванн и питья воды, остаются небольшие промежутки, в которые прямо не знаешь, что делать. Разговоры Сахара и Кугеля слишком мало занимательны, этого добра и в Петербурге наслушаешься.

Сидеть на веранде гостиницы – отвратительно. Завтра Сахар ведёт меня в магазин, где он выбирает обои для своей дачи. Говорит, что за то, что в СПб. 1 рубль аршин – здесь 8 метров около 3 мар.

Мне Тебя очень не хватает, часто ли Ты обо мне вспоминаешь?

Не скрыл ли от Тебя Белый истинное положение вещей? Эта смерть сестры Нечаева меня весьма беспокоит.

Сейчас 9 час. 10 м. – у Тебя на час больше. Буду понемногу ложиться спать. Целую Тебя мою милую Ладушку крепко и хорошо.

Н.Р

Вторник.

Завтра должно быть письмо от Тебя.

Написал письмо княгине, - сподличал, будто бы я уже в черновом виде обдумал план росписи. Чтобы закрыть отступление!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/239, 2 л.

«Что сегодня делал? Кончил Соловья Разбойника. Сообразил Вольгу и Микулу...»

Н.К. Рерих. **Изда смерти.** (Соловей Разбойник). 1908. Набросок композиции.

[23 Июля / 5 августа 1908 г. Bad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Среда. Утро. 8½ ч.

Милая, родная моя Ладушка.

Сейчас получил Твоё письмо и перечитываю его. Как Ты хорошо написала. Как приятно сознавать, что думает там так хорошо миленький, славненький человек. Крепко, крепко целую. Светка тоже трогательный, - ишь ведь,

спрашивает! Степу поздравь – только где же ему приданое дочке достать? Да ещё вдруг в его супругу ликом выйдет и умом! Как жаль, что с Рубцовым ничего не вышло. Пожалуй, без Альб. Бенуа – всё это легче бы вышло. Пожалуй, Белого лучше бы вместо Рубцова.

Пусть бы Белый выдал удостоверение Сергеенко о том, что она имеет право на аттестат и послал бы ей. А то ещё скандал наделает.

А Юрик выдумывает, что он скучал.

Нельзя ли узнать, что было в Нов. Врем. и в Речи – особенно первое. Через 2 дня будет здесь 2 недели. Я думаю не больше 3½ недель меня не продержат. По-моему печень стала и мягче и меньше.

2½ час.

Сейчас получил Твоё второе письмо. Не могу понять ничего, отчего письма не доходят. Написал в день Твоего отъезда и думал, что в Бологом Ты найдёшь уже два письма как приедешь. Какая чепуха! Иду отправлять телеграмму.

Даже печёнка заболела – так мне неприятно. А я-то думал, Ты похвалишь, что каждый день пишу даже из такой дыры как Neuenahr, где ничего не происходит. А я только что взвесился и оказалось 78 kil. 450 gr. Всё-таки с 79 kil. 250 gr. на 78 к. 450 gr. Ведь это 800 gr. т. е. 2 фунта.

Теперь буду волноваться, получаешь ли Ты мои письма. А в Бологом никто перенять не может? чтобы узнать содержание... Вот такая история!

4 час.

Знаешь, о чём я думал относительно Стёпы. Если бы Белый стал на место Рубцова, если бы Стёпу в канцелярию на место Белого. Всё-таки 50 р. и 3 часа день занятий, а со временем он бы секретарём мог стать. Серьёзно, что Ты думаешь?

Не посылать ли мне заказными письма? Вот и не виноват я, а меня ругают, да ещё грозятся «поросёнком, да не писать». Бедный я! Вот я отправляю письмо сейчас в Среду в 4½ час. интересно сколько времени оно пройдёт. Твоё письмо от 20-го я получил сейчас.

Если письма пойдут от меня неровно, телеграфируй – пошлю заказным.

Целую Тебя крепко, крепко.

Как мне неприятно.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/238, 2 л.

[24 июля/6 августа 1908 г. Vad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

Родная моя Ладушка, вот Четверг утро, - пришла почта, а письма Твоего нет. Неужели мои письма все не доходят? Ведь опускаю сам.

Сейчас пришло письмо Щусева [см. ниже – ред.], посылаю его. Сохрани его, может быть, пригодится.

Сахар всё ещё пристаёт ко мне, и у меня всё мысль сидит ему что-ниб. продать.

Сейчас сочиняю Вольгу.

Был у доктора. Находит, что печень всё лучше делается. Но желудок всё ещё атоничный. Говорит, что после придётся массаж делать.

Сейчас получил Твоё письмо. Успокоился – значит Ты не волнуешься более. Насчёт усталости – Ты права, я устаю порядочно, но говорят так всегда бывает, отчего и необходимы 2 недели отдыха.

Если еще Щусевская работа нагрянет – как-то мы со всем этим справимся?

Так князь очень надоедает?

Один студент из Брюсселя рассказывал, что рабочие ставят памятник Менье на вершине горы, образовавшейся от шлаков. Красиво!

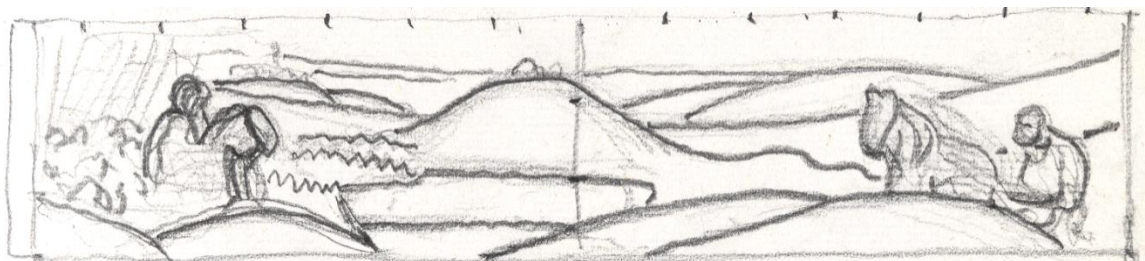
Доктор велел придти ещё через неделю.

Целую крепко и очень радуюсь письмам.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/269, 1 л.

«Сейчас сочиняю Вольгу...»

Н.К. Рерих. Вольгаи Микула. Набросок композиции. 1908.

[Конец июля 1908 г.]

Письмо Щусева А.В. к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович!

Спасибо за открытку, я её застал в П-ге, куда приехал только 20-го Июля. и откуда сейчас же уезжаю Москву и на др. постройки до Сентября.

У Наместника Лавры я получил пока ассигновку на эскизы. о которой поговорю с Вами после Вашего возвращения.

Как Вам ездилось?

Мой московский адрес постоянный. Москва, гостиница «Боярский двор»
Преданный Вам

А. Щусев

Щуко говорят с <...> работают мебель для Лодваля и очень удачно.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1539, 1 л.

[Июль (с.с.) 1908 г.]

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу

Дорогой Боря

О Лондоне я расскажу Тебе лучше на словах. Было всё ничего себе, но англичане, кажется, вообще самая далёкая от искусства нация. Очень рад, что видел Лондон и от него отделался. Что же Ты раньше не сказал, какую сумму ассигнуешь на снимки и книги. Я везу Тебе в подарок одну книгу, но если Ты хочешь – то мог бы привезти и больше. Теперь делаю эскизы в Neuenaar'e, думаю, в общем, их сделаю все семь.

Здесь отменно скучно. Три раза в день пью воду. Через день делаю грязевые ванны. Вот и всё, и так 3-4 недели. За неделю сбавился на 1¼ ф. Жидов - видимо-невидимо. Будь добр, Боря, выслать от 1 Августа получку в Бологое, так как в СПб. заезжать не буду – проеду прямо Псков-Бологое. Боюсь, что в СПб. задержат. Никому не говори, что я уже вернусь в Россию – буду значиться две недели ещё за границею.

Местность дост. слащавая и надоедают эти курганные горы.

Пиши кто и где, и почему. Поцелуй Маму, Володю и Лилю. Здесь пробуду ещё две недели.

Твой

Н. Рерих

2.... Июля с/с 908

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/131, 1 л.

[25 июля/ 7 августа 1908 г.] Германия/ Neuenaar.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Родная и милая моя Ладушка.

Вчера, кажется, я написал довольно плохое письмо Тебе – плохое по почерку. Но вдруг напала такая слабость, что ничего не мог делать. Причина к вечеру выяснилась – разразилась сильная гроза с ливнем и сегодня тоже идёт дождь. Небо всё серое. Вечером Сахар потащил меня в театр, но там такая гадость, что со второго действия мы ушли.

Вчера возвращаюсь домой и застаю скандал. Оказывается, вычищали «место» и навоняли на весь 1 этаж. До меня вонь не дошла. Сегодня опять за эскизы. Так хочется всех их здесь сочинить, чтобы в Бологом после перерыва только поправить.

Сейчас получил Твоё письмо. Кроме моих эскизов мало о чём о здешнем можно писать. Настолько всё ничтожно. Стол опустел на 2/3, совсем пусто. Я пересел к Познанскому, жидок доктор из Варшавы, а сын студент в Брюсселе. И тот и другой так мало интересны, но на безрыбье... Кроме того, предпочитаю их, чтобы не посадили бы меня с какими-ниб. немцами. Завтра уезжает Кугель – через 5 дней Сахар.

В Понедельник через два дня будет 2 недели моему лечению; надеюсь, что останется только 1 неделя и дня 3 на отдых от воды. Воображаю Бологовскую скуку! Хорошо ещё, если обойдётся мирно, а то если со скуки кто-ниб. взбесится!

Печень моя положительно уменьшается, но желудок меня не радует – так его подгонять приходится.

Ты пишешь, что я мало пишу; но иногда нападает совершенная тупость. От fango или от воздуха – не знаю. Хотя сердце ничего себе, не замечаю за ним ничего особенного. Шнейдерши мне порядком надоели; если бы их пустить в Школу, то-то бы сплетен выпустили на свет.

Сахар рассказал, что по-сербски слабительное – просрочка, фагот – пропердач, кресло – влезалище, театр – позорище. Какой[-то] известный певец серб – первое из этих выражений совершенно серьёзно сказал при всех – эффект был потрясающий.

Боре насчёт денег я уже написал. Как бы мне хотелось успеть, ещё с Тобою несколько раз за камешками съездить. Жаль, что Ты так рано уехала. Всё равно в Бологом делать нечего, а здесь отдохнула бы и со мной побыла бы. Ложусь спать в 9½ - 10 час., встаю в 6. Посреди дня иногда хотелось бы прилечь, но удерживаюсь. Письмам Твоим я так радуюсь; приходит кусочек милого, дорогого, мой Мис сидел за этою бумажкой.

Нет ли письма от Гинцеля – не пошлешь ли ему открытку? Не пошлешь ли открытку Ефиму? Поцелуй от меня князя и Степу.

Опять сажусь за эскизы, а Тебя обнимаю и целую всю.

Пятница. 3½ час.

Из Лондона – ни звука! [...] – просто не знаешь, как быть!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/268, 2 л.

[26 Июля 1908 г. Vad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Сейчас получил Твоё письмо. Ладушка милая, не ругай меня напрасно. У меня щёки пятнами пошли, когда читал начало Твоего письма. Ведь не виноват же я, что почта русская известна своею бессовестностью. Правда, ведь я не виноват. Вон один раз и Твои 2 письма через 3 часа пришли. Весу во мне сейчас 78 к. 300gr. – значит более 2 фунт. уже сбавилось.

Сегодня рисовал Садко, кажется, будет недурно. Конечно, это будет соединение заморских гостей с городком, но ведь и сюжет того же требует.

После 5 часов, может быть, пройду на Neuenahrberg, а то эти дни мало далеко ходил.

От Хомвинского ни слуху, ни духу; послал ему 2 открытки, но ответа не имею. Буду писать ещё. Хочу написать об этом Билибину. Пусть он у Хомвинского справится. Получил я письмо от Маковского – всё сидит в городе.

Завтра – воскресенье самый скверный день – будет какой-то Turnfest одна скука. Устрой, чтобы Миша отдал камни в музей, а то ведь и я не соглашусь на другие комбинации, ведь не только он, но и я отдаю. Здесь их выставят, а в другом месте куда-нибудь спрячут.

Хотелось бы поскорей удрать отсюда, а пока издаека целую мою миленькую «сердиту» Ладушку.

Поцелуй Стёпу и князя – если они Тебе полезны и приятны. В сущности, без них, кто же ещё останется в Бологом? Кто из ребят больше меня вспоминает?

Н.Р.

Думаю, как Тебе живётся в Бологом, и выходит, что, пожалуй, больше туда не поедем. Дай-то Бог, чтобы до конца без скандала обошлось, без какой-ниб. особенной сплетни. Воображаю «родственную» Соничку и «мудрую» Мирочку! Мулька, я думаю, тоже там испортилась. Не скоро отучим Юрика от последствий этого лета.

Сегодня до вечера стоял душный тяжёлый день. В воздухе масса сырости. Какой-то старик в отеле - верно маньяк - уверяет, что хозяин отравляет для русских кушанья. Хочу незаметно поддержать его в этом убеждении - может быть он скандал устроит.

Как бы мне хотелось, чтобы будущая зима была у нас хорошей, чтобы Ты была покойна и чтобы денег у Тебя в распоряжении было бы изобильно.

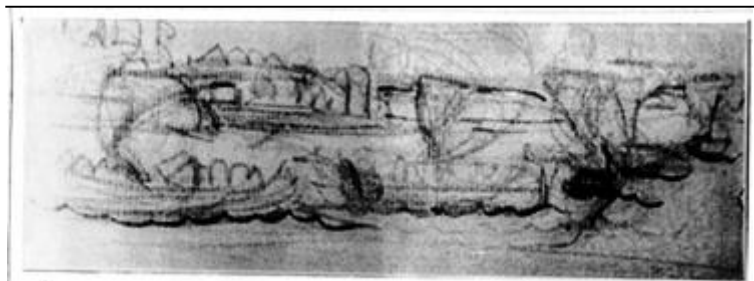
Я думаю, денег хватит, и мне очень хотелось бы привезти Тебе из Кёльна шёлковую юбку. Напиши, какую лучше, чёрную или светлую, и какая длина. Надо и ребятам что-ниб. привезти, а то Юрик и не признает, чего доброго.

Еле осилил желудочную забастовку. Принял каскару много. Апенту. И съел на марку Obst'у. Сегодня день серый, но довольно душный. Kugpark надоел, просто видеть его не могу. Сегодня публики прибавилось, так как начались каникулы - теперь больше всё немцы едут.

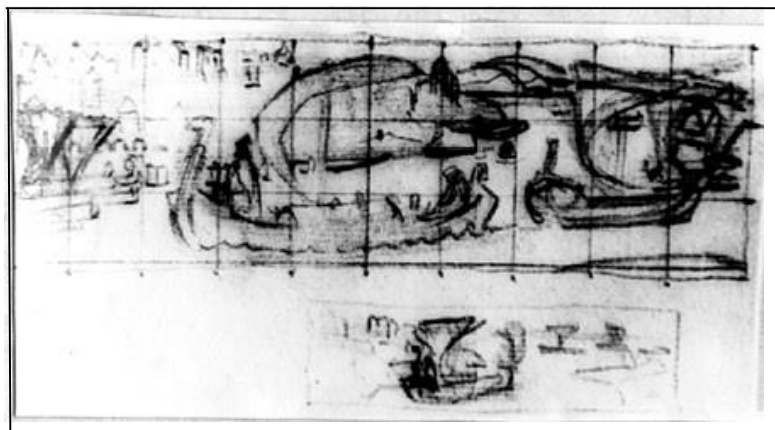
Посуду осмотрел сегодня - в Понедельник её отправят. Вышло с упаковкой - 21 марка, да провоз марки 2½.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/240, 2 л.

«Сегодня рисовал Садко...»

Н.К. Рерих. Садко. набросок композиции. 1908.

Н.К. Рерих. Садко. Эскиз. 1908.

*[26-27 июня/9 июля 1908 г. Bad Neuenahr]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.*

Миленькая моя Ладушка, сейчас 9 1/2 час. вечера, сижу и думаю отчего Тебя нет со мною?

Всё-таки здесь преотвратительно. На гору сегодня не ходил. Явился Сахар и потащил меня к здешнему архитектору смотреть проекты дач. Он себе строит в Финляндии дачу, так всё присматривает, что здесь дешевле. Между прочим, Сахар спрашивал, много ли денег передали конторщики нам из прежних долгов клиентов. Он, наверное, знает, что конторщики собирали много денег и говорили ему, что они передают эти деньги нам. Говорит, что контору на Острове пришлось бросить из-за конторщиков – такие они были воры. Вечером получил от Хомвинского письмо, где он пишет, что о Брамере ещё не решено, а о выставке была масса рецензий, которые все он передал M-lle Nègrier.

Вообще, какое несуразное лето у нас вышло; и Тебе скучно, и мне скучно. Иногда берёт сомнение: будет ли ещё и лучше-то? Хотя печень и мягче, но зато желудок по-моему вовсе не уменьшился. Всё собираюсь подойти к Бухе поговорить, но уж очень у них «на грош амуниции, а на рубль амбиции». Не нравятся они мне.

Как Ты думаешь, хорошо ли пройдёт будущая зима? Рубцов меня всё-таки беспокоит. Ещё этот вечер! Ещё все живописные дела. Вдруг как-то почувствовалось, что сил стало меньше; никогда раньше это и в голову не приходило. А то кажется, что именно теперь всё-то и будет хорошо. Всё-таки жизнь – работа. Выйдет ли Юрик – работником?

Утро – очень солнечное. Столько прибавилось публики, что больше ¼ часа приходится ждать очереди. Сейчас надумал записн. листок: «Магический круг» – тот круг, который замыкается над головой всякого человека. Рано или поздно. Ужас, если круг замкнётся над молодой головой. Уже выхода нет. Круг – это принадлежность старика. Кончим на том: бойтесь художники заклятого круга.

Сахар сейчас правильно сказал, что главный недостаток Neuenahr'a это отсутствие интеллигентной обстановки. Что за типы сюда приезжают.

Отчего Ты уехала – ходили бы вместе куда-нибудь подальше.

Пришло от Володи письмо. Благодарит за поздравление, всё пишет о хозяйственных делах. Одна строчка меня резанула неприятно. Пишет: “Завтра ожидаем приезда графа”. Как неприятно представить, что для него тоже очень важно, что приезжает какой[-то] граф, может быть к тому же идиот. Я боюсь, что в деревне Володя окончательно опустится. Пишет, что Боря только что выехал в СПб.

Подали счёт – 68 марок. Счёт напомнил мне, что всего третья неделя начинается здесь моей жизни. Казалось, что прошло гораздо больше времени. С левой стороны моей за столом появился гимназист из СПб. в голубой фуражке. Рассказывал, как дёшево жить в Villar'e в Hôtel Muveran. Хорошо, что к русскому столу попал, а то с немцами было бы окончательно грустно. Хотя у нас за столом тише, чем в читальне. Письма Твоего сегодня ещё не приносили, впрочем, в воскресенье всё шиворот на выворот.

Сегодня Turnfest, а потому играет опять музыка и кто-то где-то пойдёт шествием. Любят же немцы эти хождения – и довольны, и веселы.

Так как письмо Володи и к Тебе относится, то посылаю.

Кончаю Садко. Всё-таки уже после Твоего отъезда т.е. меньше, чем в 2 недели успел сделать 5 эскизов и 1 этюд, и мал. акварель для Бахрушина. Не проспал время!

Удивляюсь, почему часто кровь в голову приливает – я думаю это от fan-go. Теперь я взял их 7 ванн – больше 10 – я думаю будет сильно.

Целую Тебя хорошо и крепко. Отчего ребята мне тоже не напишут. Пиши каждый день!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/450, 3 л.

[27/28 июля / 9/10 августа 1908 г. Vad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой мой Мисик, письмо Твоё так и не пришло в воскресенье! Не дождался. Верно, завтра два будет. Теперь мне здесь остаётся по моему подсчёту недели 1½. Надеюсь, больше не задержат. За столом рядом со мной появился гимназист 8 класса; любопытный – всё скучает, расстроен нервами, всё ему надоело, но вид у него весёлый и здоровый на редкость. Я позвал его гулять вместе – он чрезвычайно обрадовался. Сахар через 2 дня уезжает. Ругает Бухе, старшая, говорит, ханжá. Чувствую, что мне следовало бы подойти поговорить с ними, но как-то они чрезмерно противны.

Сейчас 12 часов. Ходил пить воду. Взвесился – оказалось 77 kil. 50 gr. После 79 kil. 250 gr. – это недурно.

Вернулся, а тут принесли Твоё письмо. Такое хорошее! С радостью читал его. Бог с ними со всеми неинтересными людьми – их 9/10, а вот мне кажется, что у нас теперь начнётся самый лучший период жизни. Надеюсь, теперь придут деньги. Мы подчиним здоровье; зимой я за Тебя примусь! И тогда чего же нам еще надо? Всё есть. Мне кажется, что Neuenahr мне полезен всё-таки. Печень лучше. Вчера шёл в гору без всякой одышки. Теперь примусь за два последних эскиза для Алешина (баян и юноша) и тогда эта работа будет облажена; в Бологом поправим. Ещё две акварельки и два этюда и тогда весь художественный урок будет выполнен.

Посылаю письмо княгини. Отвечу ей что, если бы Воен. Истор. Музей дал бы мне большой заказ, то я бросил бы Общество. Понимаешь?

Отдаст Мишка камни-то? Да, Бухе делали вид Сахару, что меня они вовсе не знают. Он был очень удивлён. Сахар говорит: “Когда соберёте коллекцию кам. века, сделайте предложение нашему правительству купить, а когда вам официально и письменно откажут, то продайте в Америку. Ведь интересно собирать, а не держать в ящиках”.

Я думаю, Ладушка мы ещё хорошо поживём! А третья неделя уже началась, т.е. и отъезд недалеко – всё ближе. Пиши.

Посылаю Стёпе открытки. Долго ли он пробудет?

Целую очень *Н.Р.*

Получил письмо Белого – успокоительное.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/222, 2 л.

«Теперь примусь за два последних эскиза для Алешина (баян и юноша) и тогда эта работа будет облажена; в Бологом поправим...»

Н.К. Рерих. Баян. Баян и Юноша. Эскизы к «Богатырскому фризу». 1908.
(Рисунок опубликован в журнале «Огонёк». 1908. 28 сентября. № 39. С. 1.)

**[29 июля / 10 Августа 1908 г. Bad Neuenahr]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Родненький мой, душевный мой человечек! Милая Ладушка!
Как жаль стало мне Тебя – как подумаю, что Ты одна там, среди застарелых житейских людей, среди молодёжи – старой духом и мыслями. Как одиноко быть среди тупоумия. Смотришь на здешних идиотов и ужасаешься, а что же когда среди «близких» так себя чувствовать? Вообще боюсь, что последствия «выгод» бологовского *жизня* будут продолжительны и мучительны. И для Юрика тоже будет мучительно. Вырастет как гимназист, который здесь живёт. Говорит ерунду невозможную. Знает все оперетки, а в Ъ [*«ять»- ред.*] не твёрд. Об искусстве, о новой литературе и не слыхивал. И уже мнит, что всё знает и имеет право скучать.

Посланница видимо больше не приезжала на выставку. От Nègrier получил письмо. Она пишет, что все шляпы уже распроданы; остались одни ажурные, но она не решилась купить на свой страх, так как форма их несколько иная. Что ей написать?

Выставка закрылась 8 Авг., т.е. 2 дня тому назад. Она тоже пишет, что есть очень хорошие отзывы. От Билибина больше ни звука. Напиши строчку баронессе, - адрес есть у Тебя. У всех впечатление, что выставка имела большой успех. Если бы не Познанский – брюссельский студент, то я, кажется, съехал бы из отеля, до того здесь гнусно. Ну да теперь не так уж долго жить здесь.

Сегодня с утра дождь. Рассердили – подали грязную чашку к чаю. Сделал разнос. Вообще, что за публика здесь. Откуда всё это наезжает. Право, Сахар и Кугель ещё наиболее интеллигентны. Всё-таки хоть о чём-нибудь слышали. Так наши подарки не понравились, то я решил, так как пока мы в Бологом – надо подлизнуться, привезти запонки Степану, Димочке и Серёженьке – вот как нежно! - две пары уже купил. Найду третью. В Кёльне куплю князю: марок за 5 настоящего Рембрандта. Ну, истрачу марок 20, но зато хоть немного ещё заткнутся. И почему мы с Тобой ни откуда не ожидаем подарков? Ещё можно судить подарки, как памятку, но обсуждать их ценность или значительность – это уже хамство. И сколько этого хамства у людей! Всё от невежества. Бухе звали меня ехать с ними сегодня куда[-то] за Кобленц – где будто бы место меча Зигмунда. Ну да Бог с ними – это целый день с ними высидеть – тоже стоит чего-нибудь. Лучше посижу дома. Воображаю обиду Мульки, если бы она мои письма прочла. Нервам Твоим, я думаю, не очень-то полезно сидеть в Бологом. Из всего женского персонала, пожалуй, еще Люся Недзвецкая не вызывает раздражения.

Мне кажется, что Neuenahr мне пользу всё-таки приносит. В Среду – завтра пойду к доктору.

Желаю Тебе мудрого спокойствия среди мрака. Письма Твоего ещё не приносили сегодня. Не обидели ли Тебя чем-нибудь?

Целую Тебя и так хочу, чтобы Тебе жилось неплохо.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/223, 2 л.

[28 июля]1908 г. Bad Neuenahr
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Вторник

Милый, родной Мисик.

Пишу вечером. Гроза. Молния блеснит. Где-то мой Мисик скачет? Вечером ругался с хозяином; сказал ему, что если останусь без услуг - то не буду платить прислуге. Так и сказал, чтобы он всем передал. В Бонне познакомился с Лешке и Якоби. Смотрели музей.

Вечером горничная не дала мне кувшина с водой, и когда я поднял перезвон - то прислала другую... Это меня опять рассердило. Ну, примусь за лечение, чтобы скорей из сих мест выехать. Целую Тебя крепко и завидую, что Ты уже близко от России. Пиши, как доехала.

Как Юрик и Светка. Пиши всё - очень жду. Получил пересланное письмо из Лондона от Рауша - просит снять фото с "Ильи"2. Переслал письмо Билибину.

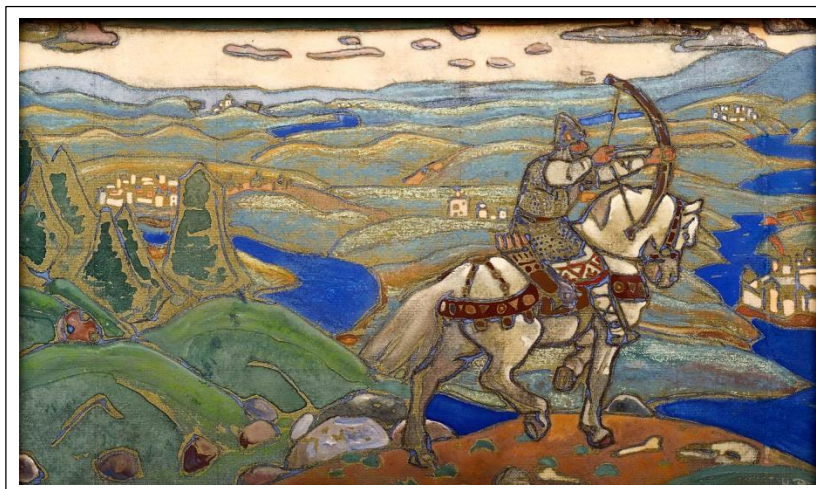
Крепко, крепко целую любимого Мися.

Н.

Поцелуй Ю., и С., и Муличку. Князя.

Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44, д. 409, л. 1

«Получил пересланное письмо из Лондона от Рауша - просит снять фото с "Ильи»

Н.К. Рерих. Илья Муромец. 1908. Эскиз панно.

[2... Июля (с.с.) 1908 г. Bad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу

Дорогой Боря

О Лондоне я расскажу Тебе лучше на словах. Было всё ничего себе, но англичане, кажется, вообще самая далёкая от искусства нация. Очень рад, что видел Лондон и от него отделался. Что же Ты раньше не сказал, какую сумму ассигнуешь на снимки и книги. Я везу Тебе в подарок одну книгу, но если Ты хочешь – то мог бы привезти и больше. Теперь делаю эскизы в Neuenahr'e, думаю в общем их сделаю все семь.

Здесь отменно скучно. Три раза в день пью воду. Через день делаю грязевые ванны. Вот и всё и так 3-4 недели. За неделю сбавился на 1¼ ф. Жидов видимо-невидимо. Будь добр, Боря, выслать от 1 Августа посылку в Бологое так как в СПб. заезжать не буду – проеду прямо Псков - Бологое. Боюсь, что в СПб. задержат. Никому не говори, что я уже вернусь в Россию – буду значиться две недели ещё за границую. Местность дост[аточно] слащавая и надоедают эти <курганные> горы.

Пиши кто и где и почему. Поцелуй Маму, Володю и Лилю. Здесь пробуду ещё две недели.

Твой Н. Рерих

2.... Июля с/с 908

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/131, 1 л.

[29 июля / 10 августа 1908 г. Bad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Милая моя Ладушка, что-то сегодня нет Твоего письма. Отправляю мою сегодня позже, так как хочу вписать, что скажет доктор и насчёт близости

отъезда. Мне кажется, что остаётся неделя до отъезда, никак не больше. Так надеюсь.

Сегодня переделываю два эскиза Певец и Юноша.

На улице холодно. Была гроза с градом. До того здесь всё надоело, что даже благоглупости гимназиста более не забавляют, а сердят.

Вечером видел Сахара, ел с ним простоквашу. Больше ничего не делал. Ещё два, три этюда бы здесь сделать и больше нечего здесь делать. Все здесь страшно скучают и рвутся уехать. Сахар едет в Биарриц.

Как съездили в лес? Удивляюсь, что нет писем от Ефима – ведь там вода в зависимости только от шлюзов.

Прямо у доктора впишу, что он скажет, и отправлю. Тебе следовало бы здесь хоть недельку ещё побыть, а то среди идиотов просто отупеешь. Отчего сегодня письма нет?

Крепко целую Тебя – dokonчу у доктора.

Н.Р.

Среда 4 ч.

Всё хорошо. Можно ехать через 7 дней. Ещё 2 fango. Печень – очень хорошо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/221, 2 л.

«Сегодня переделываю два эскиза: Певец и Юноша...»

Н.К. Рерих. Певец и Юноша.

АВГУСТ

31 июля 1908 г. СПб.

В Рисовальной школе ИОПХ.

Художественный отдел

Первой выставкой наступающего сезона будет интересная выставка учеников Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. Кроме отчёта о работе учеников, эта выставка любопытна будет тем, что покажет результат деятельности нового директора школы художника Н.К. Рериха, уже два года ведущего дело преподавания в этой школе. На выставке обширно будут представлены нововведённый класс графического искусства и отчётные работы учеников и учениц школы, командированных в художественно-образовательные поездки по России и за границу. Представит собой интерес также класс набросков (кроки).

В мире искусств. 1908. Июль-август. № 8-10.

[1 / 14 августа. 1908 г. Bad Neuenahr]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Миленья моя Ладушка, вчера от Тебя письма не было, и сегодня пока нет. Неужели потерялось?

Второй день идёт дождь, сыро и серо. Вчера хотел пойти на гору этюд сделать, но невозможно и подумать. Вечером играли с Сахаром в домино, я проиграл ему акварель, а он мне каменный нож из Парижа. До того здесь уныло становится, что ещё 5 дней трудно дотянуть будет. Неужели в Бологом так же? Спрашиваю, а впрочем, всё равно Ты уже ответить не можешь.

В Берлине не буду останавливаться – и вообще думаю, что выеду отсюда раньше. После fango, которые теперь в 60 градусов, вряд ли полезно являться на слякоть и холод. Ещё простудиться можно. Сидеть же в отеле и есть скверную пищу – глупо. Думаю, что выеду во вторник, вечером. Если уж доктор захочет – лучше остановлюсь в Берлине, лучше по мостовой идти, нежели промачивать ноги по слякоти, по песку.

Двух намеченных этюдов так, верно, и не придётся сделать – особенно не жалею. Изумляюсь, что писем Твоих нет, - не крадут ли в отеле?

Сейчас получил Твоё письмо. Господи, как же Ты два дня без писем, а я ведь каждый день отправляю. Прямо безобразие! Не перехватывают ли в Бологом? Иначе не знаю чем объяснить. Я-то сразу думаю о неаккуратности почты, а вот Ты сейчас же думаешь, что это по моей вине. Скорей пошлю, авось скорей придёт. Впрочем, надеюсь, что теперь верно уже сразу 3 моих письма получила.

Целую очень и очень хочу скорей увидеть Тебя

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/198, 2 л.

**1/14 августа [1908 г.]. Париж.
Письмо Голубева к Н.К. Рериху.**

1/14 авг. Paris – 26 Avenue du Bois de Bologne

Дорогой Николай Константинович,

Посылаю тебе письмо, которое может служить тебе спутником при посещении Фроловской мастерской. Осенью буду в Петербурге, и тогда, буде то нужно, мы с тобою ещё придумаем какой-ниб. образ действий. Фролову самому не пишу. Я его почти не знаю. Может быть, он и так исправит свои ошибки. Года полтора тому назад, когда я был у него вместе с Покровским, он произвёл на меня очень хорошее впечатление. Неужели он «жертва революции», и художника нервы притупились?

В воскресенье еду в Баварию, оттуда в Венецию etc. Мой баварский адрес <Le... am Strasse See, Oberba... Jägerhaus des Grafen Nam...>

Долго ли останетесь в Бадене? Какой милый уголок! Как я люблю его сосны! Lichtenthallen Allee и старый Kurhaus!

Сердечный привет твоей супруге, искренно жму руку. Твой

<Голубев>

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/717, 1 л.

**2 / 15 августа 1908 г. Bad Neuenahr
Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.**

Russland.

Бологое, Ник. жел. дор. Именье кн. П.А. Путятина.

Её Высокородию Елене Ивановне Рерих.

На штемпелях даты: 15 08.08. Neuenahr; / 4 .8 08. Бологое Новг.

Родненькая моя Ладушка, итак, мне здесь ещё 3 дня, не считая сегодня. Из-за массажа не стоит оставаться, в Бологом мы заменим его ходьбою, а в СПб. найдём человека, если надо будет. Сегодня опять играли в домино, и я опять проиграл Сахару сделать – нарисовать на блюде что-ниб.

Целый день шёл дождь, боюсь простудиться; такой холод и сырость, после 60 град. fango довольно неприятны. Княгине напишу, что в Россию вернусь не ранее двух недель, и в Общество тоже напишу.

Сейчас пошлю Тебе телеграмму, чтобы больше писем не писала – всё равно не дойдут. Начну укладываться. Сегодня куплю картонку. К прискорбью вижу, что массу денег придётся отдать прислуге. Если Обер – 4 мар. Кельнер – 4. Двум лакеям по 2½ - 5; Горничной – 5. Ванной горничной – 3. Hausknecht'у – 4. Лифту – 4 – всё-таки 30 марок, а кому сбавить, не знаю.

Хочу поскорей повидать мою милую Ладушку.

Н.Р.

Я думаю, если выеду во вторник вечером, то буду в Пятницу утром в Бологое. На отъезде все куда-то деньги выходят по мелочам.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/281, 2 л.

3 августа 1908 г.

ПОДПИСКА
XLIV. Записные листки Н. К. Рериха

В английских музеях поражает число предметов, пожертвованных частными лицами. Между тем, какая нация по существу так далека от искусства, как Англия?

Французские и немецкие музеи, конечно, радуют тем же. Но особенную зависть в нас, русских, должны возбуждать частые приобретения по подписке. В них особенно ясно обозначается, что около искусства имеются друзья. Всякий чувствует, что это не только казённое дело, но дело, близкое общественной потребности. Целые корпорации пытаются внести искусство в жизнь.

Теперь в России особенно необходимы приобретения по подписке. Теперь, когда государственные средства напряжены, когда отдельные лица с трудом помышляют о крупном даре для искусства. Теперь время выступления частных групп, объединённых желанием спасти ускользающее произведение и сделать его достоянием общим. Двадцать, тридцать человек с лёгкостью могут составить необходимое количество денег. Если автор произведения жив, то обрадованный, что его вещь нужна для общественного сознания, он, конечно, пойдёт навстречу в условиях.

По всем статьям искусства мы запоздали уже лет на пятнадцать. Возьмём ли картины, возьмём ли архитектуру, возьмём ли народное искусство...

Сообразите, сколько вещей за последнее время истреблено, сплавлено на металл, перестроено. Сколько картин, самых задушевных для художников, потемнело и погибло в старых углах с ненужными вещами. Наконец, сколько вещей попало в ненадёжные, слабые руки, где никогда не знаешь, сберегут ли вещь или вдруг сбудут невесть кому или подарят слуге. Всё бывает.

Если бы порядок подписки был принят у нас, я убеждён, что лучшие вещи Врубеля были бы доступны для всеобщего восхищения. Наши музеи гордились бы лучшими вещами Сомова. В Русском музее имелись бы вещи всех так называемых талантливых «молодых» художников, но которым уже больше сорока лет. Словом, было бы на месте многое, что впоследствии всё-таки придётся восстановить — с трудом, с крупными издержками, с утратами.

Группам любителей необходимо приступить к делу. Разве кого-нибудь успокоит то, что Академия тратит ежегодно несколько тысяч на покупки. Академия всегда таковой и останется. Все академии всего мира одинаковы.

К слову пришлось, боюсь: хватит ли у гр. И. И. Толстого энергии сделать, не в пример прочим, свободную Академию?

Не думаю, чтобы для основания коллективных покупок требовалось какое-нибудь общество установленное. Мы мало привыкли к уставной корпоративности. Гораздо ближе делу свободная группировка. Такое выступление сейчас необходимо.

Мы по-прежнему позорно не стремимся украсить стены публичных зданий и тем сблизить искусство с общественностью. Пусть хоть коллективный почин введёт в народ многие прекрасные вещи, иначе бы пропавшие или от всех долго скрытые.

Слово. 1908. 3/16 августа. № 526. С. 4.

3 августа 1908 г. Киев.

Художественный отдел

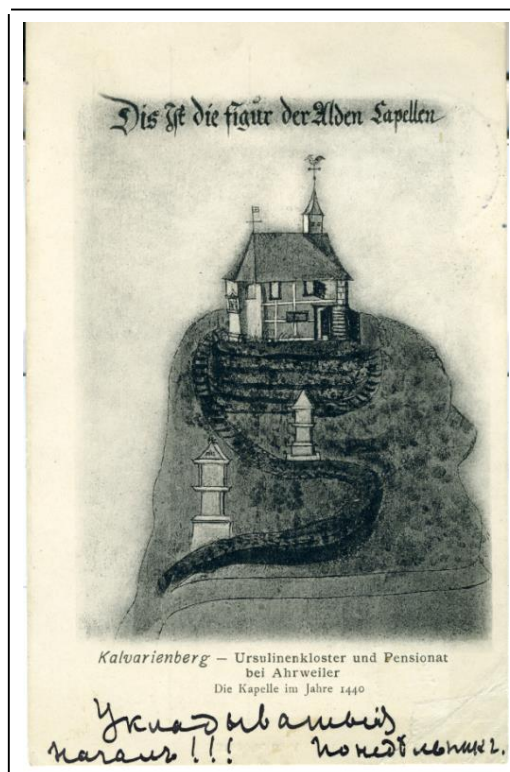
Первая русская художественная выставка, организуемая редактором киевского художественного журнала «В мире искусств» г. Филипповым, в настоящее время окончательно сформировалась. В состав экспонентов вошли художники Анисфельд, Л. Бакст, О. Браз, Ап. Васнецов, Я. Ционглинский, В. Серов (чудесно написанный портрет молодого человека и пейзаж), Н. Крымов, Л. О. Пастернак, Н. Милиоти, М. Добужинский, Н. Рерих (выставит свои работы, теперь экспонирующиеся в Лондоне), Библибин, Дриттенпрейс, Сапунов, Судейкин, Якулов, Средин, Кустодиев (между прочим, портрет поэта С. Городецкого), Феофилактов, Зарубин (интересное полотно «На поклон старине»), А. Гауш, Е. Лансере (любопытный «Никольский рынок» и «Старый Петербург»), С. Малютин (резной по дереву старинный русский пейзаж) и некоторые другие.

В общем, выставка хоть и не особенно обширна, но в высшей степени содержательна и достаточно характерна для ознакомления с современным русским живописным искусством.

Слово. 1908. 3/16 августа. № 526. С. 4.

[4 / 17 августа 1908 г. Bad Neuenahr]

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Открытое письмо с ч/б рис.

Carte postale

Russland.

Бологое, Ник. жел. дор. Именье кн. П.А. Путятина
Её Высокородию Елене Ивановне Рерих

Над рисунком надпись: Dis ist die Figur der <Elden> Kapellen
(«Это изображение древней часовни» - ред.)
Под рисунком надпись: Kalvarienberg – Ursulinenkloster und Pensionat
bei Ahrweiler.
Die Kapelle im Jahre 1440.
(Голгофа - Урсулинский монастырь и пансион под Арвайлером
Вид часовни в 1440 году – ред.)

Внизу текст письма:

Укладываться начал!!! Понедельник.

На штемпелях даты: 17. 08. 08 - Neuenahr; 8. 8. 08 - Бологое Новг.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/280, 1 л.

Август. 1908. Вена.

Первая выставка картин русских художников в Вене

1 октября в Венском художественном обществе “Secessijn” состоится открытие первой выставки картин современных русских художников, устраиваемой А.И. Филипповым. На днях из Петербурга в столицу Австрии в особом мебельном вагоне отправлены для выставки картины следующих художников: Анисфельда, Браза, Бакста, Билибина, Аполлинария Васнецова, Досекина, Добужинского, Зарубина, Кустодиева, Крымова, Лансере, Малютина, Маневича, Пастернак, Рериха, Сапунова, Серова, Средина, Судейкина, Тархова, Якулова, Теофилактова. К открытию выставки в Вену будут посланы работы Константина Коровина.

В мире искусств. 1908. Июль – август. № 8-10. С. 54.

11 августа 1908 г. Петербург – Вена.

Календарь писателя

Из Петербурга в Вену на днях отправлены картины для первой выставки произведений русских художников в столице Австрии. Выставка эта организуется редактором единственного у нас провинциального художественного журнала «В мире искусств», издающегося в Киеве А.И. Филипповым. В выставке принимают участие, между прочим, В.А. Серов, Н.К. Рериха, И. Билибин, Конст. Коровин, О. Браз, Е. Лансере, Л. Бакст, М. Добужинский, Васнецов, Б. Кустодиев.

Утро. 1908. 11 августа. № 11. С. 4.

11 августа 1908 г. Смоленск.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Б.К. Рериху

На штемпелях даты: 11.8. – СПб. / 12. 8. 1908 - <Мазале> Смоленск

Петербург
Вас. Остров 16 линия, д. № 15
Евб. Б. К. Рериху

Сейчас едем за 80 верст в бывшее Потемкинское имение с творцом
Растрелли.
Вернёмся – напишу. Всё ладно.

Твой НР

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/132, 1 л.

13 августа 1908 г.
Письмо И.И. Лазаревского к Рериху Н.К.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«СЛОВО».
СПб., Невский 92.
Телефонъ № 233-57.

С.-Петербург, 13 августа 1908 г.

Дорогой Николай Константинович.

Хочу прислать Тебе предположительный список участников моей провинциальной выставки. <До...>, но своему соображению. И вот что главное: напиши, как мне быть. Совершенно не хотят Зарубина. И говорить просто не дают; и поголовно все. Просто дивуюсь и не понимаю как поступить.

Вот список. Бакст, Браз, Ал. Бенуа, Ап. Васнецов, С. Виноградов, А Головин, Добужинский, Досекин, Н. Крымов, Кустодиев, Лансере, Билибин, С. Малютин, Н. Милиоти, Гауш, А. Остроумова, Л. Пастернак, К. Сапунов, К. Сомов, Серов, Средин, Н. <Турменский>, Тархов, Юон, <... > Сомов, Рерих, К. Коровин, Якулов.

Что касается лекций, то кроме Тебя, Маковского <пришёл> Георгий Иванович Чулков. Ты его знаешь; он мне говорил, что бывает у Тебя. Я с ним сошёлся за последнее время. Это милый, симпатичный и умный человек. Показался мне интересным Сергей Городецкий, и с ним много говорить приходится о старине русской, в которой он разбирается с превеликой любовью и интересом. Я ему заказал статью о Пскове, но не с научной или археологической точки зрения, а с чисто художественной; по его впечатлениям. Думаю, что выйдет у нас хорошо.

Теперь о новой моей затее. Что бы Ты сказал о художественно-литературном альманахе? Я выхожу из следующего соображения: журналы не идут, ни чисто художественные (У Золотого Руна 1000-1200 подписчиков), ни литературно-общественные не привлекают читателей. Характерно, что «Вестник Европы» с 1909 года перестаёт существовать. Сборники же идут. И вот я уверен, что вместе с художественным отделом сборники пойдут ещё лучше. По моему плану я так представляю себе последний из сборников. I отдел – чисто художественной монографии о каком-либо художнике, а то и по-

святить выставкам сезона, II отдел - архитектурный или художественно-промышленный и III отдел литературный – беллетристика и поэзия, IV - эстетическо-философский. Я стараюсь найти издателя и начинаю вести переговоры с Саблиным, и Скамони, главным деятелем фирм Голике и <Зельберга>.

В литературном отделе несомненно со мной пойдут: Зайцев, Блок, Городецкий, Сологуб, Ремизов, Бальмонт, Л. Андреев, Ив. Бунин, Ауслендер, Минский, Вячесл. Иванов, Чулков, Н.П. Ге, <... Крыжицкий>, Лев Шестов, а со стороны художников – стоит ли говорить, что наиважнейшие выйдут.

Напиши, и поскорее, о Твоем мнении. Я <крепко>. своему слову и ничего не делаю, не перетолковав с тобой или не известив тебя. Повторяю – оба выиграем, если будем идти вместе в том, <...> знали про то – только мы двое, и чтобы публика не знала: к чему ей.

Жду от тебя ответа

Твой *ИЛазаревский*

Мой адрес: 3 Рождественская, д. № 9. кв. № 4.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/898, 2 л.

16 августа 1908 г.

Псков. Мирожский монастырь. Начало XX в.

Записные листки Н. К. Рериха Неблагополучности

Во Пскове сейчас - две неблагополучности.

Первая: погибает знаменитая стенопись Мирожского монастыря.

Вторая: Ф. М. Плюшкину предлагают продать его собрания за границу.

Стенопись собора в Мирожском монастыре отваливается хлопьями. При самом лёгком прикосновении отскакивают большие куски живописи.

Виновата, конечно, сырость. Но почему её не устранили во время недавней «реставрации» храма? Наконец, почему целые долгие века сырость щадила фрески?

Изменились ли какие-нибудь условия храма? Изменилось ли отношение? Переделаны ли фундаменты? Является целый ряд вопросов. Но самый важный из них: как спасти живописные части, которым ещё не угрожает разрушение?

После последней реставрации времени прошло слишком мало, а последствия вышли слишком большие.

От старого Пскова остаётся очень мало памятников. После второй реставрации не придётся ли вычеркнуть Мирожский храм навсегда из числа примечательностей?

Во Пскове был П. Покрышкин; конечно, он поторопился сделать для храма что-нибудь полезное и в художественном отношении обойдётся с этим памятником лучше, нежели с Нередицким Спасом. Хотя уже трудно сейчас исправить случившееся, но следует всеми силами сохранить единственные фрески древнего Пскова.

Надо сохранить для России и собрания Плюшкина. Не буду перечислять ценность этих коллекций; людям, близким художественной старине, известно, что собрал Ф. М. Плюшкин за 30 лет собирательства. Вспомним редчайшие монеты: псковские, удельные, петровские, екатерининские. Вспомним масонский отдел собраний: ордена, ассигнации, ритуальные предметы. Прекрасны экземпляры народных уборов всего Псковского края. Любопытны серебряные вещи из изборских кладов. Миниатюры часто исторического значения, и в особенности для местного округа, гравюры, лубочные картины, фарфор, подчас очень интересных марок. Наконец, священные предметы, курганные находки... Несколько дней необходимо, чтобы подробно осмотреть всё собранное 30-летним упорным трудом. И, конечно, наш старейший край сносил свои достопримечательности под одну кровлю не для того, чтобы материалы жизни Пскова разлетелись по далёким иностранным музеям.

Мы уже допустили вывоз многих ценных русских собраний... Повторять ли, что с каждым днём такое допущение становится непростительнее?

Какие могут быть возражения против собраний Плюшкина? Самое ближайшее возражение - это то, что наряду с предметами первоклассного значения, комнаты собирателя заставлены вещами ненужными. Но не следует забывать, что собирательство Плюшкина представляет известную летопись жизни Пскова. Плюшкин принял совершенно верный принцип областного коллекционера. Он принимает всё, что ему приносят. И только в силу этого принципа к Фёдору Михайловичу несут «всё», и ценности также не минуют его рук.

Собрания Плюшкина должно взять правительство. Должно сохранить их твёрдо и прочно. Большой вопрос: куда ближе могут пойти эти предметы - в столицу ли или должны остаться во Пскове как основание настоящего областного музея? Это можно решить в будущем.

Теперь же необходимо правительству получить собрания Плюшкина. Что отложено, то потеряно. А что увезено навсегда за границу, то будет печным стыдом для России.

Псковским бедам надо помочь.

**19 августа 1908 г. Новгородская губ. Валдайский у.
Подорожная, выданная Рериху, Н.К.**

[Герб Российской Империи]

Удостоверение

ПРИСТАВА
3-го стана
ВАЛДАЙСКАГО УЕЗДА
Новгородской губернии
Августа 19-го 1908
№ 1524

Предъявитель сего Директор Рисовальной Школы Императорского Общества поощрения художеств Николай Константинович Рерих отправляется по делам службы и имеет право проезда по земским станциям за прогоны.

В чём удостоверяется подписом с приложением Казённой печати.

*[Гербовая печать
Владимирского уезда]*

Пристав [подпись]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/476, 1 л

Записные листки Н.К. Рериха XLIII. ЛАУХМИ ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живёт благая Лаухми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения — это знают все люди. Все они чтут богиню Лаухми.

Боятся все люди сестру её Сиву Тандаву, богиню Разрушения. Она злая и страшная и гибельная.

Но вот идёт из-за гор Сива Тандава. Злая пожаловала прямо к жилищу Лаухми. Тихо подошла злая богиня и, усмирив голос свой, позвала Лаухми.

Отложила благая Лаухми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бёдрами.

Идёт Лаухми, открыв тело своё. Глаза у неё очень большие. Волосы очень тёмные. Запястья на Лаухми золотые. Ожерелье — из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг грудей и плечей, а также на чреве и вниз до ступней разлиты ароматы из особенных трав.

Лаухми и её девушки были так чисто умыты, как после грозы изваяния храма Абсенты.

Всё доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своём. Из пёсьей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и мужчиной.

Злая сказала:

— Слава тебе, Лаухми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты — любящая красоту!

Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты — щедрая.

Девушки твои мягки и сладки. Юноши — крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Слава тебе!

Спокойно глядишь ты на людские шествия, и мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда и заботы утучнеет тело твоё, и на нём умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твоё, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

Забудут тогда люди принести приятные тебе жертвы. И не найдёшь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

Вот я о тебе озаботилась, Лаухми, родная моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай разрушим всё людское строение. Давай разобьём все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я и сразу сотворю все дела мои. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь ещё лучшие свои покрывала.

Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слёзы людей, тебе принесённые....

Подумай, Лаухми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в её голову.

Но Лаухми рукой отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

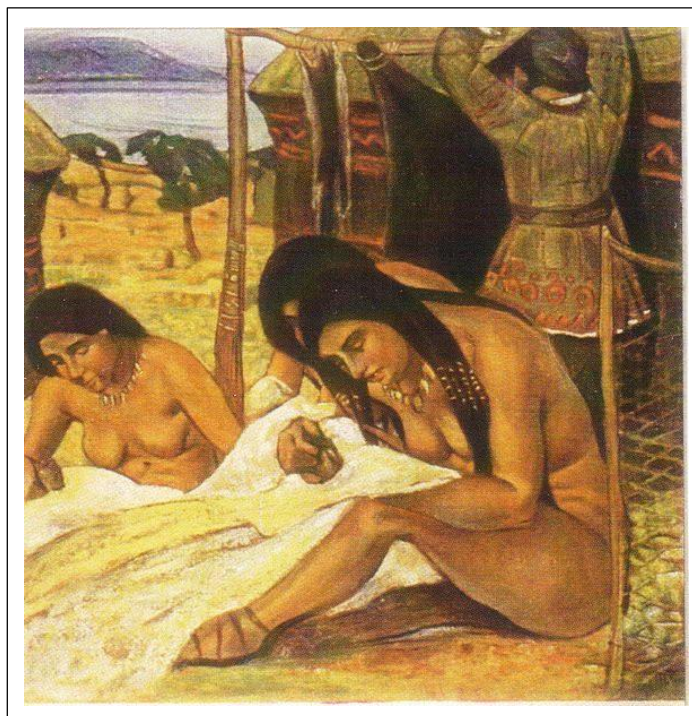
Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лаухми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывалах новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые заклятые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц, pošлю к очагам людей добрые мои заклятия.

Так решила Лаухми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждёт теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю, и тогда погибают толпы народов. Но успевает всегда Лаухми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лаухми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

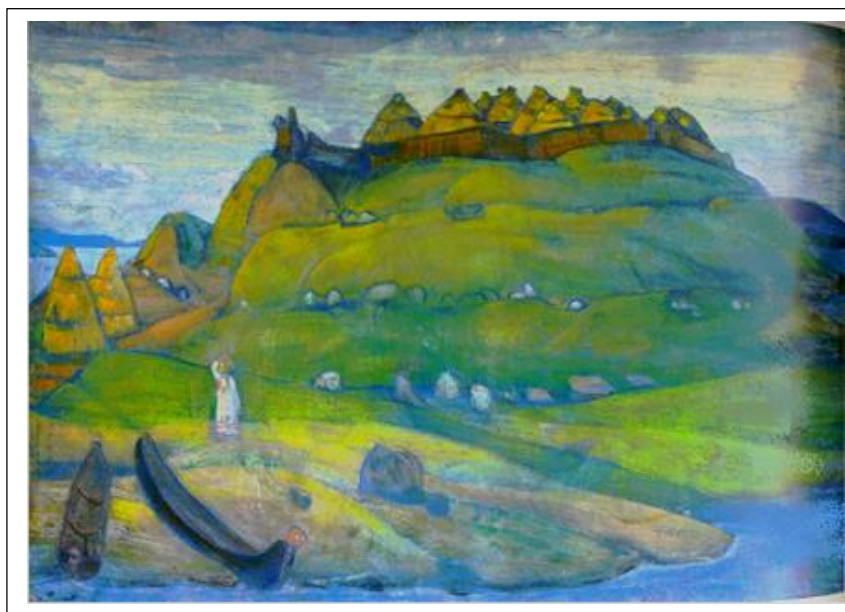
Н.К. Рерих. Задумывают одежду. 1908.

30 августа 1908 г. СПб.

Художественный отдел

Художник Н.К. Рерих, директор школы Императорского Общества поощрения художеств вернулся в Петербург. Пошатнувшееся здоровье художника теперь восстанавливается.

Слово. 1908. 30 августа / 12 сентября. № 549.

Н.К. Рерих. Городище (оригинал для школьной картины). 1908.

М. Нестеров и Н. Рерих

«Главное в каждом человеке - его вера»

Карлейль

I

Есть одно удивительное предание, повторяемое часто, но недостаточно оценённое, простое и красивое. Был, говорят, смиренный монах, занимавшийся по поручению обители списыванием священных книг. Будучи уже глубоким стариком, решил он написать образ Богоматери. В течение четырёх лет, стоя на коленях и с хвалебными гимнами на устах, он трудился над этим изображением. И под конец работы он почувствовал, что приходят его последние минуты. И вот, по молитве его, нисходит к нему в келию сама Владычица со святыми ангелами, и они поддерживают его, пока он заканчивает свой заветный труд.

В разных вариантах рассказывают это предание в артистических городках Италии по поводу изображений средневековой Мадонны.

Мне кажется, в этом старинном итальянском рассказе таится истинный символ веры великого художника. Тот, кто не в состоянии стать перед своей картиной на колени и молиться тому, что он изображает, тот — не артист; тот - не художник, кто не убеждён до последней минуты своей жизни в необходимости своего труда; истинный творец не может думать и понимать мир иначе, как теми образами, которые он облекает в краски и линии. Ибо картина есть как бы гимн религиозного миропонимания.

Религия многообразна, и боги рождаются и исчезают подобно людям, хотя и живут иногда тысячелетиями. Но каковы бы ни были боги, — гимн, исходящий от убеждённого почитателя всегда будет великим и всегда будет истинным произведением искусства, даже если бы внешнего совершенства ему не доставало. Ибо суть творческого процесса есть восторг пред Богом или ужас пред его силой.

Но думают о величии мироздания только немногие, ещё меньше тех, которые веруют в божество, а приходят в восторженный экстаз богопочитания лишь очень редкие, и ещё реже те люди, которые могут образами или словами выразить свой экстаз. Зато, если есть хоть капля этого экстаза у человека, говорят: «У него искра Божия».

Я чувствую глубокое почтение к Нестерову именно за то, что мне слышится из смиренных уст святых в его картинах искреннее хваление Богу, и я понимаю, кто его Бог.

Помню, когда на Передвижной выставке 1888 г. появился его «Пустынник». Эту небольшую, скромную вещь нельзя было не заметить, так как в ней чувствовалось истинное отражение мира. Понималось, что для художника эти деревья не просто один из видимых предметов, но живые существа, хотя и неподвижные: в них есть душа, как бы томящаяся в сознании своей грациозной слабости, в беспричинной грусти под серым небом. И дальние воды, и лес за озером, и тонкие стебельки травы - всё дышит и грустит, всё сознаёт себя живым. И пустынный, который идёт по берегу у задумчивых вод, он не чужой в семье недвижных душ природы и отличается от окружающих его только свободой движения.

Кажется, вот задрожит лёгкая струя воздуха, вознося к Богу смиренную молитву природы.

В этой картине молитва ещё не раздалась; но потребность её глубока, но душа природы уже настроена, но струны арфы уже сами начинают звенеть как бы под незримыми перстами, и гимн - дивный в своём смирении, - гимн всей природы вместе с человеком и зверем, и птицей полился неудержимой волной в громадном холсте «Святой Сергей Радонежский отрок». Даже слышатся отдельные слова: «всякое дыхание да хвалит Господа»...

Когда отрок «Варфоломей» под вековым деревом внезапно видит строгого старца в чёрной одежде схимника, он, вероятно, не отделяет этого видения от элегиче-

ской природы: она вся полна таких чудесных образов, которые то являются перед изумлёнными глазами верующих, то исчезают как последний звук трепетного аккорда; в каждом кусте и дереве, в каждой травке и цветочке может таиться чудо.

«Человек, яко былъ, жизнь его, яко цвет сельный», - так звучит мне другой мотив в картинах Нестерова. Ничтожный, слабый, грешный человек только тогда чувствует себя счастливым, когда он весь, со всеми помыслами, всем сердцем и душой предаётся милости и попечению великого Бога. Невыразимо сладко чувство унижения, даже страдания, ибо они одни приближают человека к Господу, кроткому, благодостному Творцу, принявшему на себя все скорби и всю боль, все оскорбления и грехи мира, претерпевшему то, что заставляет содрогаться человека. Так глубоко это чувство преданности человека Богу в картине «Великий постриг», что оно прямо захватывает, и невольно, на губах появляются слова давно забытых молитвословий. Особую трагичность придают этой картине три очаровательных в своей грусти молодых существа, в которых как будто трепещет затаённая тоска по молодости, красоте, любви. И белые берёзки томятся с ними, и на тонких веточках вербы, как слёзы, выступили наивные жемчужинки...

Всё, что создал Нестеров, полно этой искренней религиозности и поэтому его картины действительно способны вызвать настроение молитвы. Это до такой степени необычайно, что сначала многие недоумевали и чувствовали, что художник разбудил в них забытую способность молиться, заставил прозвучать чувство, замолчавшее среди торжества рационализма и жизненного торга.

В Киеве, во Владимирском соборе, есть много картин и икон Нестерова, но они весьма различного достоинства, так как художник был поставлен в необычные для него условия: он *должен был* писать святых с широко раскрытыми византийскими глазами, на грандиозных площадях церковных стен, к которым он не привык. Пышный русско-византийский стиль его сбивал с толку. И, несмотря на это, там, в этом пышно-великолепном соборе, нашлись скромные, уединённые уголки, где приютились смиренные и грустные создания Нестерова: на маленьких боковых иконостасах нижнего и верхнего этажей. Там есть миниатюрное Благовещенье, иконы - святой Варвары, Бориса и Глеба, где опять теплится это глубоко-сладостное святое чувство самоунижения. Мать, рождающая младенца на неслыханные страдания, мать, сердце которой пронзено мечом печали и согрето светлой радостью рождения - она полна у Нестерова неземного очарования... И мученики, отдающие плоть на растерзание, радостно вкушающие красоту боли и мучения, раскрывающие объятия смерти в провидении вечной близости к Богу - это образы незабываемые.

Кто их любит, пусть пойдёт в храм Воскресения на Екатерининском канале - там они притаились с грустной молитвой на устах, среди резных колонн из розового мрамора на боковых иконостасах.

Упрекают Нестерова в однообразии и искусственности, потому что он именно слишком искренен, и потому что он понимает утончённую прелесть стиля, потому, наконец, что он слишком любит то, что творит. И его тонкая, чарующая, почти ювелирная работа, жемчужно-задумчивый колорит и грациозная упрощённость рисунка - плоды вкуса изысканного и благородного. Любовь к своей работе и к мелочам композиции, лёгкая странность движений и значительность второстепенного придают ему некоторое сходство с англичанами второй половины XIX в. Но его зависимость от английских прерафаэлитов, особенно великого Бёрн-Джонса чисто кажущаяся - ведь всякий русский видит у Нестерова образы свои, родные, и в его природе узнаёт свою милую, грустную мать-родину, улыбающуюся с маленькими слезинками на глазах. Таких глубоких и независимых индивидуалистов очень немного вообще, а в бедной художниками России — особенно.

II

Но не у всех Бог - Бог благости и страдания, у других он мечет молнии и гром, является в кровавых битвах с вооружённой десницей; часто он — Бог жестокий, к которому обращаются не с молитвой, а с заклинаниями и колдовством; в мире, подвластном такому Богу, есть чудовищные змеи, невиданные птицы со стальными когтями и свирепый дракон с огненным дыханием — повелитель тёмных сил.

Посмотрите картины Н. Рериха и вы увидите наяву этот почти сказочный мир, подвластный иным богам, которых не знает Нестеров. Правда, Рерих не столько религиозный и убеждённый человек, сколько собиратель и толкователь чужих религиозных верований. Иногда кажется, как будто он сам ужаснулся своих зловещих птиц, почти демонов, и говорящих камней. Он жадно слушает тёмные формулы заклинаний и ищет в них ключа к миропониманию, потом бросается в христианскую церковь, молится и недоумевает.

Я видел довольно большую выставку картин Рериха в Париже, и там я мог составить о нём своё мнение.

Помню, лишь только я вошёл в первую залу, я забыл о шуме города и перенёсся в другую атмосферу, вспомнил забытые сказки детства, когда наивные глаза ещё видели странные образы, населяющие землю и воды: камни, полные тайны, косматые ели с руками Кощей Бессмертного, удивлённо застывшие волны, покорные заклинаниям вдохновенных кудесников, причудливые башни невиданных форм - жилища сказочных обитателей древней Руси.

Это русский стиль, родной нам до последней мелочи, а между тем, из одних вещей глядит на нас седая Скандинавия и задумчиво-унылая Финляндия, из других - сказочно-прихотливая Персия и религиозно-монументальная Византия.

Помню финнов у вечерних костров: они почти скрываются в голубом тумане сумерек, которые спускаются всё ниже, всё гуще окутывают образы, смешивая их с причудливыми скалами и фантастическими елями; всё постепенно исчезает и превращается в сказку; это народ умирающий, это образ прошлого.

И в ярком свете утра (картина «Славяне») на место их выступают новые люди — славяне, молодые и сильные наследники земли и веры белоглазой Чуди, знавшей тайны заклинаний и волшебства тёмных лесов.

Вот этюды Финляндии, но не мёртвые этюды усидчивого импрессиониста, а целый цикл странных сказок, до такой степени каждый этюд проникнут духом земли и её прошлого. Среди такой природы, которая живёт и чарует своей загадочностью даже с маленьких этюдов, невольно представишь людей, совершенно чуждых нам. Один за другим они встают перед ними, обитатели северных дебрей и скалистых холмов, в пёстрых одеждах, с широкими каменными лицами; в их бледных глазах цвета озёрной воды чудятся отблески далёкого неба, в них светится знание тайн природы и безотчётный ужас перед этим знанием.

Их божества странны и жестоки, а божье место окружено, как ожерельем, жёлтыми лошадиными черепами, нанизанными на частокол.

Первый славянин попал под неотразимое влияние стародревнего народа и его культа, и был момент, когда все понятия спутались, и мы ещё теперь не знаем, где кончилась религия молчаливого финна с белыми глазами и начался культ весёлых славянских богов. Но чем ближе к нам и ниже к югу, тем всё дальше славянин от финна, но... тем он роднее Византии и Персии: сказки наполняются прихотливым восточным узором, в них чудятся грёзы Ирана и Индии. А навстречу сказке поднимается строгая Византия с широко раскрытыми глазами, одевшая в позлащённую багряницу иссохшее, жёлтое тело аскета. Сонмы печально-строгих ангелов закрыли небо, и оно дрогнуло в ожидании суда.

Эта борьба понятий целиком отразилась в картинах Рериха.

То мы видим у него огненного Змея Горыныча, который яростно бросается на воина, а хвостом обхватывает плачущую Забаву Путятишну с золотыми волосами; этот змей залетел с Востока.

Тоскующая дочь дальнего Севера жадно вглядывается в серые облака, которые несутся над широким морем тяжёлой грядой, и ей чудятся сражающиеся викинги и слышится далёкая боевая песня...

Рядом - в тёмной церкви, блистающей по таинственной золотой резьбе мириадами искр от восковых свечей, разыгрывается «Пещное действо» с тремя отроками.

Дальше - на пурпурном коне скачет архистратиг Михаил с пурпурными крыльями и разит могучей десницей чёрного змия. Борис и Глеб во всеоружии на белых конях летят над городом, который молит их о защите...

Древний жрец заклинает бурное море, и оно как будто застыло, всё изборождённое гневными волнами.

Дальше - «Сокровище ангелов». В середине композиции стоит громадный сапфир. На нём, среди прихотливых узоров индийской витой линии, с одной стороны, мы видим Распятого, как символ добра, с другой - свирепого дракона, который готов броситься на Претерпевшего. Это - символ борьбы добра и зла, это краеугольный камень мироздания. Его оберегают ангелы, печальными глазами смотрящие вперёд. Над ними - весь мир, уходящий за облака, где далеко-далеко виднеются башни и куполы города. На склонах холмов, где стоит этот город, растут странные деревья, приют невиданных птиц. Над городом, в группе облаков реет тихий хор ангелов.

Дальше — целый ряд эскизов для церковной росписи, где опять строгая Византия роднится с мечтательным Востоком и подаёт руку унылому Северу.

Пусть формы часто несовершенны, пусть декоративные замыслы часто губят архитектуру, — содержание этого искусства остаётся изумительным. Здесь столько вопросов и увлечений, здесь открываются такие миры с их разными богами, то мстительными и злыми, то грозно-величественными, то печально-задумчивыми, что даже не подумаешь в первую минуту, кто же истинный Бог? Кому служит этот художник?

Он борется и колеблется, как и до сих пор борется многообразная его родина; над ней как будто проносится вихрем битва богов. Неизвестно кто победит, но у каждого из этих богов есть плоть и реальность в картинах Рериха. Но единого Бога, своего повелителя, Рерих не изобразил ни разу, и это знаменательно, потому что он его ещё не знает.

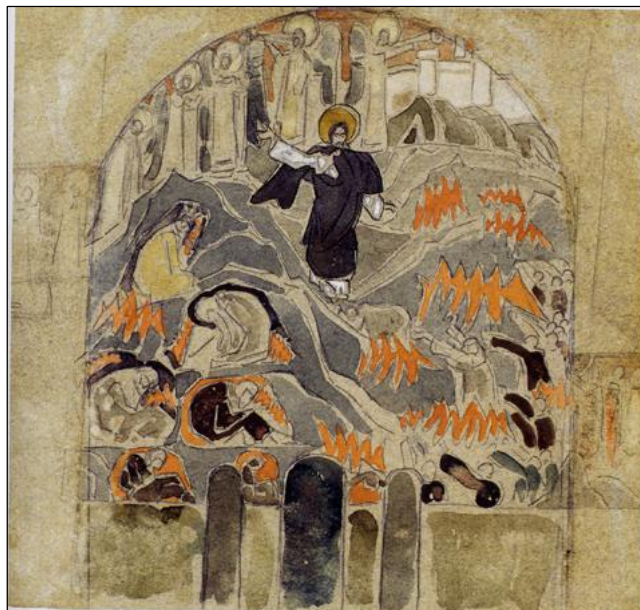
Пройдут годы, и борьба кончится чьей-нибудь победой, одни боги восторжествуют, другие скроются и притихнут, но не умрут, ибо боги не умирают так скоро. Но на чью-бы сторону ни склонилась победа, навсегда останется памятен человек, увидевший эту битву и смутившийся при виде её, ибо он заглянул в сокровенные мира сего, он задел то, что людям важнее всего — миропонимание и религию.

Спокойный в своём страстном порыве к Богу, Нестеров, покорный сын благостного Отца, и Рерих, нервный и колеблющийся, готовый поверить языческим заклинаниям финских шаманов, но боящийся отвести глаза от всепроникающего взора сурово-торжественного Вседержителя Византии, - они, столь различные, роднятся одним чувством, - чувством преданности своему святому искусству, благоговением перед теми образами, что предстоят их духовным очам; они не могут творить иное и иначе, ибо они истинные артисты и творцы.

И итальянские рассказчики могли бы рассказать именно про них свою легенду.

М.В. Нестеров. Сошествие во ад. 1895.

Н.К. Рерих. Сошествие во ад. 1909.

М.В. Нестеров. Покров Богородицы.

Н.К. Рерих. Покров Богородицы. (Эскиз)